

L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA

FACOLTÀ DI SCIENZE LINGUISTICHE E LETTERATURE STRANIERE
UNIVERSITÀ CATTOLICA DEL SACRO CUORE

2

ANNO XXIX 2021

EDUCATT - UNIVERSITÀ CATTOLICA DEL SACRO CUORE

L'ANALISI
LINGUISTICA E LETTERARIA

FACOLTÀ DI SCIENZE LINGUISTICHE
E LETTERATURE STRANIERE

UNIVERSITÀ CATTOLICA DEL SACRO CUORE

2

ANNO XXIX 2021

PUBBLICAZIONE QUADRIMESTRALE

L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA
Facoltà di Scienze Linguistiche e Letterature straniere
Università Cattolica del Sacro Cuore
Anno XXIX - 2/2021
ISSN 1122-1917
ISBN 978-88-9335-873-6

Comitato Editoriale

GIOVANNI GOBBER, Direttore
MARIA LUISA MAGGIONI, Direttore
LUCIA MOR, Direttore
MARISA VERNA, Direttore
SARAH BIGI
ELISA BOLCHI
MAURIZIA CALUSIO
GIULIA GRATA
CHIARA PICCININI
MARIA PAOLA TENCHINI

Esperti internazionali

THOMAS AUSTENFELD, Université de Fribourg
MICHAEL D. AESCHLIMAN, Boston University, MA, USA
ELENA AGAZZI, Università degli Studi di Bergamo
STEFANO ARDUINI, Università degli Studi di Urbino
GYÖRGY DOMOKOS, Pázmány Péter Katolikus Egyetem
HANS DRUMBL, Libera Università di Bolzano
JACQUES DÜRRENMATT, Sorbonne Université
FRANÇOISE GAILLARD, Université de Paris VII
ARTUR GAŁKOWSKI, Uniwersytet Łódzki
LORETTA INNOCENTI, Università Ca' Foscari di Venezia
VINCENZO ORIOLES, Università degli Studi di Udine
GILLES PHILIPPE, Université de Lausanne
PETER PLATT, Barnard College, Columbia University, NY, USA
ANDREA ROCCI, Università della Svizzera italiana
EDDO RIGOTTI, Università degli Svizzera italiana
NIKOLA ROSSBACH, Universität Kassel
MICHAEL ROSSINGTON, Newcastle University, UK
GIUSEPPE SERTOLI, Università degli Studi di Genova
WILLIAM SHARPE, Barnard College, Columbia University, NY, USA
THOMAS TRAVISANO, Hartwick College, NY, USA
ANNA TORTI, Università degli Studi di Perugia
GISÈLE VANHESE, Università della Calabria

*I contributi di questa pubblicazione sono stati sottoposti
alla valutazione di due Peer Reviewers in forma rigorosamente anonima*

© 2021 EDUCatt - Ente per il Diritto allo Studio universitario dell'Università Cattolica
Largo Gemelli 1, 20123 Milano | tel. 02.7234.2235 | fax 02.80.53.215
e-mail: editoriale.dsu@educatt.it (*produzione*); librario.dsu@educatt.it (*distribuzione*)
web: www.educatt.it/libri

Redazione della Rivista: redazione.all@unicatt.it | *web:* www.analisinguisticaeletteraria.eu

Questo volume è stato stampato nel mese di settembre 2021
presso la Litografia Solari - Peschiera Borromeo (Milano)

INDICE

Fernseh- und Video-Ansprache als bevorzugte Textsorte der Coronapandemie: Argumentationskategorien, Nominationsverfahren und prosodische Gestaltung <i>Gianluca Cosentino</i>	5
Komplexe Zukünftigkeit und ihre Versprachlichung durch Futur II und Perfekt bzw. <i>passato prossimo</i> im Deutschen und Italienischen <i>Anne-Kathrin Gärtig-Bressan</i>	31
Diacronia della preposizione multiparola <i>fino a</i> <i>Vittorio Ganfi</i>	69
Il silenzio e il cammino tragico di Raskol'nikov in <i>Delitto e castigo</i> di F.M. Dostoevskij <i>Raffaella Vassena</i>	97
Газ. Об одном отрывке из романа Василия Гроссмана <i>Жизнь и судьба</i> <i>Anna Krasnikova</i>	113
Les « notes de notes » de Flaubert : nature et destination d'une typologie de manuscrits à orientation pre-scénarique <i>Biagio Magaudda</i>	127
Dal bacchanale all'inventario: la letteratura americana in Italia nei repertori di <i>Americana</i> e <i>Novellieri inglesi e americani</i> <i>Nicola Paladin</i>	145
Umorismo 'perso' e 'ritrovato' nella traduzione dei libri per ragazzi: note sulla traduzione vietnamita delle <i>Storie della preistoria</i> di Moravia <i>Thuy Hien Le</i>	161
Les compliments situationnels en français et en arabe dans une perspective pédagogique <i>Batoul Muhaisen, Romuald Cogné</i>	185
Teachers' views on the use of literature as a tool for learning EFL <i>Diego Sirico</i>	207

Газ. ОБ ОДНОМ ОТРЫВКЕ ИЗ РОМАНА ВАСИЛИЯ ГРОССМАНА *ЖИЗНЬ И СУДЬБА*

ANNA KRASNIKOVA

UNIVERSITÀ CATTOLICA DEL SACRO CUORE, MILANO

anna.krasnikova@unicatt.it

Настоящая статья — один из первых подходов к изучению текстологии *Жизни и судьбы* Василия Гроссмана. Отрывок *Газ*, хранящийся в РГАЛИ и проанализированный в данном исследовании, вероятно, должен был стать первым опубликованным фрагментом романа, готовившимся к печати в начале 1960 года, но не прошел цензуру. В статье текст *Газа* сопоставляется с соответствующими главами книжных изданий, и это сравнение позволяет обнаружить некоторые векторы эволюции романа.

The paper presents one of the first approaches to the textual criticism of *Life and Fate* by Vasily Grossman. *Gas* is a fragment of the novel that, presumably, is the first piece chosen by the author for the publication, but it did not pass the censorship; now it is conserved in the Russian State Archive of Literature and Art. The paper compares *Gas* with the corresponding chapters of the main editions of *Life and Fate*, and this analysis allows us to see some vectors of the evolution of the novel.

Keywords: Vasily Grossman, *Life and Fate*, textual criticism

Первая публикация полного текста *Жизни и судьбы* в Советском Союзе, как известно, появилась в журнале “Октябрь” в 1988 году, и в том же году роман был издан отдельной книгой¹. А фрагменты *Жизни и судьбы* выходили из печати и раньше — в 1960 году, до ареста романа, Гроссман успел опубликовать несколько отрывков в газетах под заглавиями *Сталинградские штабы*, *В калмыцкой степи*, *Утром и вечером*, *В полку Березкина*².

Кроме того, существует свидетельство еще об одном отрывке, которому предназначалось стать самой первой публикацией из *Жизни и судьбы*, но который не прошел

¹ В. Гроссман, *Жизнь и судьба*, “Октябрь”, 1–4, 1988; Он же, *Жизнь и судьба*, Книжная палата, Москва 1988.

² В. Гроссман, *Сталинградские штабы (Глава из романа “Жизнь и судьба”)*, “Литературная газета”, 2 апр. 1960; Он же, *Утром и вечером (Отрывок из романа “Жизнь и судьба”)*, “Литература и жизнь”, 10 июн., 1960; Он же, *В полку Березкина (Отрывок из романа “Жизнь и судьба”)*, “Красная Звезда”, 15 июл., 20 июл., 1960; Он же, *В калмыцкой степи (Отрывок из романа “Жизнь и судьба”)*, “Литература и жизнь”, 26 авг. 1960; Он же, *В калмыцкой степи (Отрывок из романа “Жизнь и судьба”)*, “Вечерняя Москва”, 14 сен. 1960.

цензуру. Лазарь Лазарев, редактор “Литературной газеты” и поклонник Василия Гроссмана, рассказывает об этом эпизоде в своих мемуарах *Записки пожилого человека*³.

1. Первый отрывок “Жизни и судьбы”, подготовленный для печати

В 1960 году Лазарь Лазарев попросил у Гроссмана отрывки из нового романа для “Литературной газеты”.

Гроссман обещал подобрать главу для публикации в “Литературке”:
— Через неделю. Это непросто. В рукописи пятьдесят листов. Надо подумать, что выбрать.
Я попросил его дать две или три главы⁴.

Как рассказывает дальше Лазарев в своих воспоминаниях, Гроссман вскоре отдал ему три отрывка из *Жизни и судьбы*, составленные из двух или более глав. Первый отрывок — о том, как погибают в газовой камере Софья Осиповна и Давид, второй — об истребительном полке и третий — о шофере Семенове у Христи Чуняк.

Я ушел от Гроссмана с тремя главами (строго говоря, как я потом выяснил, прочитав через много лет весь роман, — с отрывками, каждый из которых включал две, а иногда и несколько главок) *Жизни и судьбы*. С трудом сдерживал себя, чтобы не начать читать в дороге. В редакции сразу же прочел, не отрываясь. Все главы производили очень сильное впечатление — это была проза, которая рождала мысли о классике. Для тех, кто помнит роман, перечислю эти главы: о крестном пути Софьи Осиповны Левинтон и мальчика Давида от ворот лагеря до газовой камеры; о выведенном в резерв авиационном истребительном полке, в котором после ранения оказался лейтенант Виктор; о шофере Семенове, которого после того, как он выбрался из эшелона военнопленных, выжила старуха Христи Чуняк⁵.

В редакции выбрали для публикации эпизод с газовой камерой: прекрасно написанный, наиболее трагический из всех отрывков, он, как казалось Лазареву и его коллегам, без труда должен был пройти цензуру — чего нельзя было сказать о двух других эпизодах, в одном из которых поднималась тема антисемитизма, а в другом — голодомора.

Труднопроходимой через цензуру были глава о летчиках (из-за остро поставленной проблемы антисемитизма) и глава о шофере Семенове — там Христи Чуняк вспоминает голод 1933 года. Я дал прочесть все главы Бондареву, Кузнецову и Косолапову⁶. Все они без споров решили: берем главу о лагере уничто-

³ Л. Лазарев, *Записки пожилого человека*, Время, Москва 2005.

⁴ Там же, с. 28.

⁵ Там же, 29.

⁶ Юрий Васильевич Бондарев (1924–2020) — писатель, в 1959–1963 годах член редколлегии и редактор отдела литературы и критики “Литературной газеты”; Валерий Алексеевич Косолапов (1910–1982) — в

жения, с точки зрения цензуры она вроде благополучная, по материалу — самая трагическая, написана же выше всяких похвал⁷.

Всё это происходило без участия главного редактора “Литературной газеты” Сергея Смирнова. Отрывок уже был набран и стоял в журнале — и только тогда Смирнов его увидел и отказался публиковать.

Но тут вернулся из поездки Сергей Сергеевич, главу из номера снял, о двух других, посмотрев их, даже говорить не стал. Он вызвал меня и принялся отчитывать. Он говорил, что я подставляю Гроссмана под удар, что эта глава вызовет настороженное отношение к роману, может подорвать его публикацию⁸.

В конце концов Смирнов попросил у Гроссмана “не такую мрачную главу” и писатель, несмотря на то, что резко и болезненно воспринял отказ печатать уже отобранные отрывки, согласился. Лазарь Лазарев пишет:

Новую главу мы вскоре напечатали. Она была менее интересной, чем предыдущие. И не потому, что хуже написана, написана так же хорошо. В ней не было завершённого драматического сюжета. Вообще выбор отрывка из повести или романа для отдельной публикации — дело непростое, не всякая глава для этого годится. Главу из романа Гроссмана назвали *Сталинградские штабы*⁹, как принято, учитывая просьбу редакции “Знамени”, во врезе говорилось, что роман *Жизнь и судьба* будет напечатан в журнале “Знамя”¹⁰.

Гибель в газовой камере Софьи Осиповны Левинтон и мальчика Давида — одна из самых известных, самых запоминающихся сцен романа. По-видимому, и Гроссман считал его одним из ключевых эпизодов *Жизни и судьбы*, раз выбрал его в числе первых трех отрывков, предложенных для публикации. Но соответствовал ли текст, о котором говорит Лазарев, тому, что мы знаем по опубликованному книжному тексту?

2. Газ

Среди рукописей Гроссмана, которые КГБ арестовал в 1961 году, а ФСБ передала в 2013 году в РГАЛИ¹¹, хранится машинопись, озаглавленная *Газ*, с подзаголовком

1950-х годах заместитель главного редактора “Литературной газеты”; Феликс Феодосьевич Кузнецов (1931-2016) — с 1958 года член редколлегии “Литературной газеты”, сначала заведовал отделом критики, а затем — отделом литературы.

⁷ Л. Лазарев, *Записки пожилого человека*, с. 29.

⁸ Там же.

⁹ В. Гроссман, *Сталинградские штабы*. Отрывок соответствует девятой главе первой части романа.

¹⁰ Л. Лазарев, *Записки пожилого человека*, с. 30.

¹¹ См.: Т. Горяева, *Творческое наследие Василия Гроссмана в собрании РГАЛИ in Гроссмановский сборник*, М. Калузио — А. Красникова — П. Тоско ed., Educatt, Milano 2016, сс. 79–88.

“Отрывок из новой книги *Жизнь и судьба*”¹². Судя по пользовательским листкам, до нас с этим документом никто не работал¹³. Мы предполагаем, что эта машинопись и есть тот самый фрагмент, которому предназначалось стать визитной карточкой романа и о котором рассказывает в своих мемуарах Лазарь Лазарев. Текст явно готовился для публикации, но нигде опубликован не был.

В документе 22 стандартные машинописные страницы формата А4; это автограф, беловик с правкой автора. На первой странице синими чернилами написано имя автора: “В. Гроссман”.

В тексте 6 главок: первая соответствует самой первой главе романа — той, где эшелон с заключенными въезжает в концлагерь; следующие пять — главам 46–50 второй части, именно в них рассказывается о крестном пути Софьи Осиповны и Давида. Во второй главе арестантов под музыку оркестра делят на тех, кто должен работать, и тех, кого убьют; в третьей читатель проживает ту же сцену вместе с Софьей Осиповной, которая взяла на себя заботу о чужом ребенке, Давиде; в четвёртой заключенные раздеваются в предбаннике, им остригают волосы и начинают загонять их в газовую камеру; в пятой описывается гибель людей, умирает Давид, а за ним Софья Осиповна; в короткой шестой главке Гроссман рассуждает о жизни как о свободе, а о смерти как об уничтожении свободы.

Документ представляет собой беловик, в котором содержится текст, уже переработанный для печати, однако правка присутствует на каждом листе. Вся она выполнена синими чернилами; часто это исправления опечаток или иностранные слова, записанные латиницей от руки. Но регулярно встречаются и содержательные исправления: Гроссман вычеркивает или заменяет отдельные слова, в некоторых случаях вычеркивает целые строки. На странице встречается до 11 правок разного характера — см. таблицу 1.

Таблица 1 - Количество исправлений на каждой странице

<i>Страница</i>	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
<i>Число исправлений</i>	2	8	12	5	4	6	10	6	7	4	12
<i>Страница</i>	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22
<i>Число исправлений</i>	6	4	9	10	4	9	9	7	10	10	8

Помимо чернильной правки в документе есть и 10 помет простым карандашом. На полях отчеркнута вся первая глава и первое предложение второй главы (страницы 1 и 2).

¹² Фонд 1710, оп. 4, ед. хр. 96.

¹³ Настоящая работа — часть исследовательского проекта, нацеленного на изучение текстологии произведений Василия Гроссмана и осуществляемого Католическим университетом им. Святого Сердца (Милан) совместно с Исследовательским центром Василия Гроссмана (Турин).

Мы видим карандашные отчеркивания напротив одной или двух строк на страницах 3, 4, 5; на странице 5 стоит и отчеркивание напротив двух предпоследних абзацев второй главы; на странице 6 — карандашная галка напротив фразы “Впереди отряд состоял из четырех человек” — и над словом “четырёх” карандашом же написано: “?трех”. На странице 13 галка и знак вопроса находятся напротив предложения “Софья Осиповна уже знала, что в этом остроословии приговоренных не проявлялась сила духа, не так страшен был страх, когда над ним смеялись”. Карандашом обведена частица “не” — а поверх эта обводка зачеркнута чернилами. На странице 15 на полях отчеркивание и знак вопроса стоят напротив слова “контакс” (марка фотоаппарата) — это слово автор помет тоже подчеркнул и закавычил. На странице 17 отчеркивание в виде прямого угла стоит у последней строки четвертой главы. И, наконец, на странице 22 отчеркнута вся последняя, шестая глава.

Судя по всему, это пометы редактора, которые, возможно, обсуждались с Гроссманом устно и которые были сделаны до того, как он внес свою правку. Об этом свидетельствуют карандашные сомнения на 13 странице и чернильный ответ на них писателя — однако за исключением страницы 13 больше реакций автора на карандашные пометы во всем документе не наблюдается.

Так как в настоящее время пока не изучены источники *Жизни и судьбы*, не существует их описания и сравнения, текст *Газа* мы будем сопоставлять с опубликованными версиями романа: лозаннского издания, выпущенного в 1980 году (далее будем называть его КН-1980)¹⁴, и издания *Книжной палаты* 1989 года (далее — КН-1989), которое на сегодняшний день претендует на наибольшую авторитетность¹⁵. Текст *Газа* во многом совпадает с печатными версиями, однако разночтения присутствуют. Ниже опишем их типы и остановимся на тех, на которые стоит обратить особое внимание.

3. Стилистические разночтения

Некоторые из разночтений *Газа* и опубликованных версий носят стилистический характер. Книжный текст становится в некоторых местах лаконичнее, а в некоторых — точнее машинописного. В таблице 2 приведены некоторые примеры из главы 2 *Газа*, соответствующей главе 46 романа. Полужирным отмечены варианты, присутствующие в *Газе* и отсутствующие в опубликованных версиях; курсивом — то, чего нет в машинописи, но есть в изданном тексте.

¹⁴ В. Гроссман, *Жизнь и судьба*, L'Age d'Homme, Lausanne 1980.

¹⁵ Издание 1980 года печаталось по микрофильмам не лучшего качества, публикация в “Октябре” — по книге 1980 года, а для издания 1989 года, вышедшего в “Книжной палате”, использовались и сохранившиеся автографы. Об этом, например, свидетельствует расписка Вячеслава Кабанова, главного редактора “Книжной палаты”, о том, что 22 декабря 1988 года Семен Липкин передал ему автограф романа “для работы над новым книжным изданием”. Расписка хранится в семейном архиве Семена Липкина.

Таблица 2 - Примеры стилистических различий

Газ, из главы 2

Темный дым далеких фабричных труб смешивался с туманом, **с угольной пылью**; и шахматная сеть бараков покрывалась дымкой [...]

Вдруг, показалось, робко и дерзко вскрикнула птица, и воздух, разодранный колючей проволокой и воем сирен, смердящий нечистотами, жирной гарью, весь **до облаков** наполнился музыкой.

Все, казалось, преобразилось, все соединилось в единстве, все рассыпанное, — дорога, стук колес, страх и этот, вставший в тумане город, эта тусклая, красная заря, все вдруг соединилось **в одно мучительное, невысказанное, но существующее.**

И это чувство тотчас соединилось с другим, казалось, на веки веков утонувшим: горячим, томящим чувством прожитой жизни.

Снова заиграл оркестр. Отобранные люди входят в **лагерный**, построенный на болоте, город.

КН-1980, КН-1989, из главы 46¹⁶

Темный дым далеких фабричных труб смешивался с туманом, и шахматная сеть бараков покрывалась дымкой [...]¹⁷

Вдруг, показалось, робко и дерзко вскрикнула птица, и воздух, разодранный колючей проволокой и воем сирен, смердящий нечистотами, жирной гарью, весь наполнился музыкой¹⁸.

Все, казалось, преобразилось, все соединилось в единстве, все рассыпанное, — *дом, мир, детство*, дорога, стук колес, *жажда*, страх и этот, вставший в тумане город, эта тусклая, красная заря, все вдруг соединилось — *не в памяти, не в картине, а в слепом*, горячем, томящем чувстве прожитой жизни¹⁹.

Снова заиграл оркестр. Отобранные *для лагерной работы* люди входят в построенный на болоте, город²⁰.

В книжных версиях удалены лишние детали и описания, размывающие образы, а то, что добавлено, делает текст более ясным и логичным. Так, например, в машинописном варианте в “чувство прожитой жизни” соединяются “дорога, стук колес, страх и этот, вставший в тумане город, эта тусклая, красная заря” — однако все, что входит в этот список, относится лишь к лагерю и пути в него. В книжном варианте появляются “дом, мир, детство” — и таким образом перечень действительно может охватывать уже всю человеческую жизнь²¹.

¹⁶ В изданиях КН-1980 и КН-1989 отрывки по большей части совпадают. В тех случаях, когда различия в книжных изданиях есть, в качестве основного текста будем цитировать КН-1980, а варианты КН-1989 указывать в сносках.

¹⁷ В. Гроссман, *Жизнь и судьба*, 1980, с. 372.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 374.

²¹ О списках у Гроссмана см.: А. Bonola, *Ideological Words and Words from Life in Life and Fate by Vasily Grossman in Vasily Grossman. A Writer's Freedom*, А. Bonola — G. Maddalena ed., vol. 1918, 2018, pp. 41-78.

Помимо стилистических в тексте *Газа* присутствуют разночтения и других типов. Как нам кажется, эти варианты были вызваны двумя типами причин: формальными и содержательными — и, возможно, отражают два вектора авторской работы с текстом, происходившей в разное время.

4. *Машинисты*

В первой главе *Газа* отсутствуют те отрывки, что касаются машиниста и его помощника, ведущих поезд в лагерь смерти, описания их действий, их диалоги. Вероятно, эти фрагменты Гроссман удалял, подготавливая текст для газетной публикации. Первая глава тут нужна была в основном для того, чтобы обозначить хронотоп — время и место, где разворачиваются центральные события, и второстепенные персонажи были излишни. В таблице 3 отрывки, присутствующие только в книжных версиях, выделены курсивом.

Таблица 3 - *Сокращения в первой главе Газа*

Газ

КН-1980, КН-1989

Мелькнула освещенная электричеством будка, очередь машин у опущенного полосатого шлагбаума, бычий красный глаз светофора. Порожний состав, грохоча, встретился с идущим к лагерю эшелон, разодранный воздух затрещал, заморгали серые просветы между вагонами; вдруг снова пространство и осенний утренний свет соединились из рваных лоскутов в мерно бегущее полотно.

Внимательный и небрежный глаз седого машиниста следил за мельканием бетонных столбиков, высоких мачт с вращающимися прожекторами, бетонированных башен, где в стеклянном фонаре виднелся охранник у турельного пулемета. Машинист мигнул помощнику, паровоз дал предупредительный сигнал. Мелькнула освещенная электричеством будка, очередь машин у опущенного полосатого шлагбаума, бычий красный глаз светофора.

Издали слышались гудки идущего навстречу состава. Машинист сказал помощнику: — Цуккер идет, я узнаю его по бедовому голосу, разгрузился и гонит на Мюнхен порожняк. Порожний состав, грохоча, встретился с идущим к лагерю эшелон, разодранный воздух затрещал, заморгали серые просветы между вагонами, вдруг снова пространство и осенний утренний свет соединились из рваных лоскутов в мерно бегущее полотно. Помощник машиниста, вынув карманное зеркальце, поглядел на свою запачканную щеку. Машинист движением руки попросил у него зеркальце.

*Помощник сказал взволнованным голосом:
— Ах, геноссе Апфель, поверьте мне, мы
могли бы возвращаться к обеду, а не в четыре
часа утра, выматывая свои силы, если б не
эта дезинфекция вагонов. И как будто бы
дезинфекцию нельзя производить у нас на узле.
Старику надоел вечный разговор о
дезинфекции.
— Давай-ка продолжительный, — сказал
он, — нас подают не на запасный, а прямо к
главной разгрузочной площадке²².*

5. Музыка

Если придерживаться гипотезы о том, что Гроссман сокращал текст отобранных глав романа для газетной публикации, то, вероятно, особенностями формата вызвана и другая системная правка: во второй и третьей главах машинописи *Газ* ужато или удалено многое, что касается темы музыки.

Идея о силе музыки, её необычайном воздействии на человека и в особенности на тех, кто лишен свободы, кто обречен на смерть, была важна для Гроссмана настолько, что после ареста *Жизни и судьбы* он написал об этом и во *Все течет*: в новелле о Маше, вставленной в повесть в последние годы жизни писателя.

А когда они при свете вечерней зорьки шли к лагерю, возле склада пиломатериалов заиграло магаданское радио.

Маша и две женщины, что плелись вместе с ней, шаркая по грязи, опустили лопаты и остановились. [...]

Музыка была не печальная, а веселая, танцевальная, и Маша плакала, слушая ее, как никогда, кажется, в жизни не плакала. [...]

Маша не понимала, почему вдруг ее сердце переполнилось тоской, отчаянием; словно бы соединилось все, что было в жизни [...] почему вдруг под веселую танцевальную музыку стала ощущаться грязная сорочка на теле, тяжелые, как сырые утюги, ботинки, пахнущий кислотой бушлат; почему вдруг бритвой полоснул по сердцу вопрос: за что, за что ей, Маше, за что ей эти морозы, это душевное растрепывание, эта пришедшая к ней покорность к каторжной судьбе?

Надежда, всегда давившая своей живой тяжестью ей на сердце, умерла.²³

И так же, как Машенька во *Все течет*, услышав веселую мелодию, видит перед собой всё, что происходило с ней с самого детства, Софья Осиповна в *Жизни и судьбе* ощущает “пронзительное чудо жизни”.

²² В. Гроссман, *Жизнь и судьба*, 1980, с. 1.

²³ В. Гроссман, *Все течет...*, Посев, Франкфурт-на-Майне 1970, сс. 112-113.

Несмотря на значимость для Гроссмана темы музыки, которую слышит человек на пороге гибели, в машинописи отсутствуют два фрагмента, касающиеся музыки. Во второй главе *Газ* нет отрывка, где говорится о том, что музыка не наполняет человека, а служит ключом к его душе, его чувствам. В третьей удалено описание того, что происходило с Софьей Осиповной, когда в лагере смерти она услышала давно знакомую мелодию. Эти разночтения приведены в таблице 4. Полу жирным выделены варианты, присутствующие в *Газе* и отсутствующие в книжных версиях; курсивом — что есть только в изданном тексте.

Таблица 4 - Сокращения музыкальной темы

Газ, из главы 2

Люди в лагерях, люди в тюрьмах, люди, идущие на смерть, знают потрясающую силу музыки. Никто так не чувствует музыку, как те, **кто теряют свободу и идут** на смерть. Музыка, коснувшись гибнущего, вдруг возрождает в душе его не мысли, не надежды, а лишь одно слепое, пронзительное чудо жизни. Рыдание прошло по колонне. Все, казалось, преобразилось, все соединилось в единстве, все рассыпанное, – дорога, стук колес, страх и этот, вставший в тумане город, эта тусклая, красная заря, все вдруг соединилось **в одно мучительное, немислимое, но сущее.**

И это чувство тотчас соединилось с другим, казалось, на веки веков утонувшим: горячим, томящим чувством прожитой жизни. Здесь, в зареве печей, на лагерном плацу, люди чувствовали, что жизнь больше, чем счастье, — она ведь и горе. Свобода не только благо. Свобода трудна, иногда и горестна — она жизнь. Музыка сумела выразить последнее потрясение души, объединившей в своей слепой глубине все перечувствованное в жизни, радость и горе ее, с этим туманным утром, с заревом над головой.

КН-1980, КН-1989, из главы 4б

Люди в лагерях, люди в тюрьмах, *люди, вырвавшиеся из тюрем*, люди, идущие на смерть, знают потрясающую силу музыки. Никто так не чувствует музыку, как те, *кто изведаль лагерь и тюрьму, кто идет* на смерть. Музыка, коснувшись гибнущего, вдруг возрождает в душе его не мысли, не надежды, а лишь одно слепое, пронзительное чудо жизни. Рыдание прошло по колонне. Все, казалось, преобразилось, все соединилось в единстве, все рассыпанное, *дом, мир, детство*, дорога, стук колес, *жажда*, страх и этот вставший в тумане город, эта тусклая красная заря, все вдруг соединилось *не в памяти, не в картине, а в слепом, горячем, томящем* чувстве прожитой жизни. Здесь, в зареве печей, на лагерном плацу, люди чувствовали, что жизнь больше, чем счастье, — она ведь и горе. Свобода не только благо. Свобода трудна, иногда и горестна — она жизнь. Музыка сумела выразить последнее потрясение души, объединившей в своей слепой глубине все перечувствованное в жизни, радость и горе ее, с этим туманным утром, с заревом над головой. *Но, может быть, и не так. Может быть, музыка была лишь ключом к чувствам человека, она распахнула нутро его в этот страшный миг, но не она наполнила человека. Ведь бывает, что детская песенка заставляет плакать старика. Но не над*

*песенкой плачет старик, она лишь ключ к тому, что находила душа*²⁴.

Из главы 3

КН-1980, КН-1989, из главы 47

Софья Осиповна услышала музыку. Эту музыку она впервые слышала ребенком, слушала студенткой, молодым врачом; эта музыка всегда волновала живым предчувствием будущего.

Музыка обманула ее. У Софьи Осиповны не было будущего, была лишь прожитая жизнь. И чувство своей особой, отдельной, прожитой жизни на миг заслонило перед ней настоящее — край жизненного обрыва.

Самое странное из всех чувств! Оно непередаваемо, им нельзя поделиться с самым близким человеком, женой, матерью, братом, сыном, другом, отцом, оно тайна души, и душа, даже если она страстно этого хочет, не может выдать своей тайны. Человек унесет чувство своей жизни, не разделит его ни с кем. Чудо отдельного, особого человека, того, в чьем сознании, в чьем подсознании собрано все хорошее и все плохое, смешное, милое, стыдное, жалкое, застенчивое, ласковое, робкое, удивленное, что было от детства до старости, — слитое, соединенное в немом и тайном одиноком чувстве одной своей жизни.

Когда заиграла музыка, Давиду захотелось вынуть из кармана коробочку, на мгновение приоткрыть ее, чтобы куколка не простудилась и показать ей музыкантов.

Когда заиграла музыка, Давиду захотелось вынуть из кармана коробочку, на мгновение приоткрыть ее, чтобы куколка не простудилась, и показать ей музыкантов²⁵.

6. (Не)риторические вопросы

Другое разночтение не столь заметно в количественном измерении, однако кардинально меняет понимание текста, предлагая другую этическую систему, другое представление о “человеческом в человеке”²⁶.

²⁴ В. Гроссман, *Жизнь и судьба*, 1980, сс. 372-373.

²⁵ Там же, с. 375.

²⁶ Ср.: “Человеческое в человеке встречает свою судьбу, и для каждой эпохи эта судьба особая, отличная от той, что была в предыдущую эпоху. Общее в этой судьбе то, что она постоянно тяжела...”

В версии романа, известной читателям, автор говорит об ужасе остаться в живых после того, как видел, как идут на смерть и умирают родные:

Как утопить память о том, что жена сунула мужу в руку узелок, где было обручальное кольцо, несколько кусков сахара, сухарь? Неужели можно существовать, видя, как с новой силой вспыхнуло зарево в небе — то горят руки, которые он целовал, глаза, радовавшиеся ему, волосы, чей запах он узнавал в темноте, то его дети, жена, мать? Разве можно в бараке просить себе место ближе к печке, подставлять миску под черпак, наливавший литр серой жижи, прилаживать оборвавшуюся подметку ботинка? Разве можно бить ломом, дышать, пить воду? А в ушах крик детей, вопль матери.

Продолжающих существовать погнали в сторону лагерных ворот²⁷.

Целый абзац риторических вопросов, большинство из которых начинается классическими маркерами “неужели” и “разве”²⁸. Автор не отвечает на эти вопросы, но наиболее вероятное прочтение этого отрывка, наиболее ожидаемый ответ на эти вопросы — “нет”. Нельзя утопить память, забыть о гибели детей, жены, мужа, матери, отца; немисливо существовать, увидев, как сожгли любимых, непредставимо обращать внимание на повседневные заботы, пытаться устроиться получше в концлагере, невозможно жить дальше. Что остается от тех, кто выжил, когда семья сгорела в газовых печах? Они уже не живые, не люди, они — *продолжающие существовать*, которых куда-то *гонят* надзиратели.

Однако, если обратиться к тому же отрывку в машинописи, мы увидим, что в ней автор дает ответы на эти вопросы. Разночтения в соответствующих фрагментах указаны в таблице 5.

Таблица 5 - Разночтения в отрывке “Как утопить память о том...”

Газ, из главы 2

Как утопить память о том, что жена сунула мужу в руку узелок, где было обручальное кольцо, несколько кусков сахара, сухарь? Неужели можно существовать, видя, как с новой силой вспыхнуло зарево в небе — то горят руки, которые он целовал, глаза, радовавшиеся ему, волосы, чей запах он узнавал в темноте, то его дети, жена, мать.

КН-1980, КН-1989, из главы 4б

Как утопить память о том, что жена сунула мужу в руку узелок, где было обручальное кольцо, несколько кусков сахара, сухарь? Неужели можно существовать, видя, как с новой силой вспыхнуло зарево в небе — то горят руки, которые он целовал, глаза, радовавшиеся ему, волосы, чей запах он узнавал в темноте, то его дети, жена, мать?

Но человеческое в человеке продолжало существовать, когда его распинали на крестах и мучили в тюрьмах”, В. Гроссман, *Сикстинская мадонна* in Он же, *Несколько печальных дней: Повести и рассказы*, Современник, Москва 1989, с. 397.

²⁷ В. Гроссман, *Жизнь и судьба*, 1980, с. 373.

²⁸ О вопросах, в частности риторических, в романе *Жизнь и судьба* см.: А. Бонола, “Отвечая на молчаливый вопрос”. *Функция вопросов в одном известном диалоге романа “Жизнь и судьба”* in *Гроссмановский сборник*, М. Калузио — А. Красникова — П. Тоско ed., Educatt, Milano 2016, сс. 25-47.

Разве можно в бараке просить себе место ближе к печке, подставлять миску под черпак, наливавший литр серой жижи, прилаживать оборвавшуюся подметку ботинка? Разве можно бить ломом, дышать, пить воду? А в ушах крик детей, вопль матери.

Да, можно! В этом сила живого на земле.

Да, можно! И продолжающие существовать двинулись в сторону лагерных ворот.

Разве можно в бараке просить себе место ближе к печке, подставлять миску под черпак, наливающий литр серой жижи, прилаживать оборвавшуюся подметку ботинка? Разве можно бить ломом, дышать, пить воду? А в ушах крик детей, вопль матери.

Продолжающих существовать **погна**ли в сторону лагерных ворот²⁹.

“Да, можно!” — здесь Гроссман дает ответ, прямо противоположный тому, который, как казалось, подразумевается в книжной версии. Если там у читателя создается впечатление, что речь идет о невозможности жить после гибели близких, то в *Газе* автор не просто говорит, что продолжать жизнь можно. Он утверждает, что “в этом сила живого на земле”. Это свойство человека представляется положительным началом, качеством, неотъемлемым для всего живого.

Разницу в прочтении этого фрагмента усиливают глаголы в последнем предложении. В книжной версии “продолжающих существовать” *гонят* — это лишённая воли масса, а в машинописи они “*двигаются* в сторону ворот”, то есть действуют активно.

В машинописной версии “человеческое” проявляется в умении забывать о горе, забывать о прошлом и идти вперед. В книжной версии — в бесконечной тоске по любимым, то есть в вечной трагической любви.

Исследования редакций и вариантов разных произведений Гроссмана показывают, что он работал, часто сокращая текст от варианта к варианту, “отжимая” его³⁰. При этом он, как правило, оставляет основные мысли и образы, выражая их более лаконично. Тем не менее, не похоже чтобы здесь имел место именно этот процесс. Мысль меняется на 180 градусов: в газетной версии ответ на вопросы сводится к “да, можно”, а в книжной читатель с большой вероятностью достраивает его до “нет, нельзя”. Более того, если в *Газе* читатель получает прямой ответ, то в книжном тексте этот фрагмент становится амбивалентным, открытым для разных интерпретаций. Подобная стратегия — в духе того, как писал Гроссман в последние годы жизни, уходя от соцреализма с его требованием однозначного и правильного.

Таким образом, возможно, в данном фрагменте мы наблюдаем правку совершенно иного типа и направленности, чем рассмотренные выше. Если раньше мы видели сокращение текста, предположительно, ради газетного формата, то сейчас, как кажется, машинописная версия представляет собой более ранний вариант с однозначными ответами и готовыми решениями. В книжной же версии мы видим текст более объемный, допускающий разные трактовки, и первая трактовка, которая приходит на ум,

²⁹ В. Гроссман, *Жизнь и судьба*, 1980, с. 373.

³⁰ См., например: М. Калузио, “Тонко, деликатно, грустно”. О рассказе Гроссмана “Несколько печальных дней” (1940–1976) in *Гроссмановский сборник*, М. Калузио — А. Красникова — П. Тоско ed., EDUCatt, Milano 2016, cc.119-140.

противоположна изначальной. Человеку, который все переживет, забудет и двинется дальше, противопоставляется человек, убитый горем, хоть и выживший физически.

7. Смерть и материнство Софьи Осиповны

Правка еще одного фрагмента носит системный характер и значительно сказывается на смысле текста. Она относится к кульминации крестного пути Софьи Осиповны и Давида, их гибели в газовой камере; в таблице 6 приведем этот отрывок, выделяя различия полужирным и курсивом.

Таблица 6 - *Последние абзацы главы 6 Газа*

Газ, из главы 6

Софья Осиповна ощутила **по тому**, как осело в ее руках тело мальчика, **что он мертв**. Она опять отстала от него. В подземных выработках, с отравленным воздухом, индикаторы газа — птицы и мыши — **умирают** сразу, у них маленькие тела, и мальчик с маленьким птичьим телом **умер** раньше, чем она.

Это была ее последняя мысль.

А ее сердце еще **билось и в нем еще** была жизнь: оно сжималось, болело, жалело вас, живых и мертвых людей.

Софья Осиповна прижимала к себе Давида, **чужого ребенка. Софья Осиповна Левинтон умерла.**

КН-1980, КН-1989, из главы 49

Софья Осиповна *Левинтон* ощутила, как осело в ее руках тело мальчика. Она опять отстала от него. В подземных выработках с отравленным воздухом индикаторы газа — птицы и мыши³¹ *погибают* сразу, у них маленькие тела, и мальчик с маленьким, птичьим телом *ушел* раньше, чем она.

“Я стала матерью”, — подумала она.

Это была ее последняя мысль.

А в ее сердце еще была жизнь: оно сжималось, болело, жалело вас, живых и мертвых людей; *хлынула тошнота*, Софья Осиповна прижимала к себе Давида, *куклу, стала мертвой, куклой*³².

В машинописи, вне всяких сомнений, описывается смерть: в семи предложениях пять раз встречается корень *мертв-/мир-*. Уже в первом предложении мы понимаем, что Давид мертв, последняя мысль Левинтон состоит в том, что маленький мальчик умер прежде нее. Завершается эпизод короткой фразой, которая своей формулировкой, использованием полного имени, с отчеством и фамилией, напоминает официальный документ: “Софья Осиповна Левинтон умерла”. Беспощадные *умереть* раздаются здесь как удары молота, которому противопоставляется неровное биение сердца, наполненного жалостью и обреченного на скорую гибель.

В книжной версии образы становятся ускользающими, амбивалентными. Гроссман последовательно удаляет или заменяет все глаголы *умереть/умирать*. Софья Осиповна просто ощущает, как на ее руках оседает тело Давида, птицы и мыши — *погибают*, а маленький мальчик — *ушел* раньше нее. В последней фразе она прижи-

³¹ В КН-1989 после слова “мыши” стоит тире.

³² В. Гроссман, *Жизнь и судьба*, 1980, с. 383.

мает к себе не мертвое тело ребенка, а *куклу*; *куклой* становится и она сама. И лишь здесь, в финальном предложении мы видим не оставляющее сомнений “стала мертвой”. Таким образом, вместо прямолинейных, однозначных и повторяющихся сообщений о смерти, мы встречаемся здесь с более сложным образом, заставляющим нас колебаться, надеяться.

Важнейшее различие в этом эпизоде относится к последней мысли Софьи Осиповны, держащей мертвого мальчика. Если раньше она думала о том, что умрет позже Давида, то сейчас она уходит с мыслью: “Я стала матерью”. Именно смерть дарит ей материнство — “столь же неожиданное в смерти, сколь и поражающее своей жизненной силой”³³. Женщина погибает не в одиночестве и не в обезумевшей толпе, а сжимая в объятьях своего сына. И это перерождение дает нам надежду на новую жизнь, на спасение.

И тут машинописный вариант, скорее всего, более ранний. Вектор работы Гроссмана с текстом здесь тот же, что мы видели в отрывке с риторическими вопросами — прямолинейное размывается, текст обрастает новыми гранями.

Газ должен был выйти в “Литературной газете” в первые месяцы 1960 года. Это значит, что все эти трансформации, описанные выше, произошли с текстом романа в 1960 году.

Анализ двадцати двух страниц машинописи, озаглавленной *Газ*, и сопоставление ее с опубликованным текстом романа помогают нам лучше понять, как Гроссман превращался из автора-соцреалиста в автора таких сложных произведений, как *Жизнь и судьба* и *Все течет*. Как и когда происходила эта эволюция, какие были у нее этапы, что именно Гроссман менял в своих текстах — обо всем этом мы надеемся узнать в будущих архивных исследованиях. Не говоря уж о том, что еще предстоит критически установить текст *Жизни и судьбы* и описать существующие версии, установив их текстологические статусы и связи между ними.

³³ А. Дель Аста, *Архитектоника романа “Жизнь и судьба” in Гроссмановский сборник*, М. Калузио — А. Красникова — П. Тоско ed., EDUCatt, Milano 2016, с.100.

FACOLTÀ DI SCIENZE LINGUISTICHE E LETTERATURE STRANIERE
L'ANALISI LINGUISTICA E LETTERARIA

ANNO XXIX - 2/2021

EDUCatt - Ente per il Diritto allo Studio Universitario dell'Università Cattolica
Largo Gemelli 1, 20123 Milano - tel. 02.72342235 - fax 02.80.53.215
e-mail: editoriale.dsu@educatt.it (produzione)
librario.dsu@educatt.it (distribuzione)
redazione.all@unicatt.it (Redazione della Rivista)
web: www.educatt.it/libri/all

ISSN 1122 - 1917

9 788893 358736